ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ ВЕРЖБНѢ

20-го ноября ст. ст. 1830 г. [1]).

[Переводъ съ польскаго].

Послѣ ночи, проведенной подъ деревомъ, тѣсная комнатка въ маленькой корчмѣ была квартирою великаго князя и его супруги, князя, который два дня тому назадъ управлялъ Царствомъ и многими губерніями. Комнатка въ одно окно—въ ней стояла кровать, диванчикъ, стулъ, столикъ и скамейка,—тѣсна была до того, что въ ней едва можно было сдѣлать два шага. Четверо пріѣзжихъ, проѣхавъ, безъ всякихъ предъидущихъ уговоровъ и ручательствъ, аванпосты и стражи, очутились на дворѣ среди военныхъ различныхъ чиновъ; нѣсколько потолкавшись межъ нихъ, они были допущены къ великому князю и наполнили его комнатку. Нашли они великаго князя стоящимъ у кровати; на столикѣ были двѣ тарелки, такъ какъ это было обѣденное время, третій часъ. Княгиня Ловичъ сидѣла на диванчикѣ. Очутились они наединѣ съ великимъ княземъ и княгиней. Сначала сталъ говорить князь Любецкій, и говорилъ долго, объясняя, что дѣйствія административнаго совѣта не могли быть иного рода, такъ какъ онъ находился подъ напоромъ черни и не имѣлъ другихъ средствъ для удержанія порядка, кромѣ тѣхъ, какія предпринималъ. Еслибъ у нихъ было болѣе войска, то они были бы въ состояніи удержать порядокъ, теперь же онъ не предвидитъ, что̀ еще можетъ случиться; все же, что случилось, произошло единственно вслѣдствіе многочисленныхъ нарушеній законовъ и конституціи.

---

[1]) Въ дополненіе къ историческому очерку Е. П. Карновича о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, приводимъ нѣсколько подробностей о свиданіи цесаревича съ депутатами административнаго совѣта Царства Польскаго. Подробности эти заимствуемъ изъ разсказа одного изъ участниковъ этихъ переговоровъ.

На это великій князь, полный спокойствія, живо разсказывалъ, что не чернь напала на его Бельведерскую квартиру. Считая это нашествіе сдѣланнымъ съ цѣлью убійства, перечислялъ подробности, извѣстныя ему только одному, указывалъ въ какой степени участвовали въ этомъ военные. Упоминалъ о вѣрности своихъ слугъ русскихъ, изъ которыхъ одинъ грудью защищалъ двери его комнаты и погибъ, другой, желая скорѣе доставить помощь, выскочилъ окномъ съ третьяго этажа и сломалъ себѣ ноги. Упрекалъ административный совѣтъ въ томъ, что оскорбилъ его, назначивъ главнокомандующимъ Хлопицкаго.

На долгій этотъ разсказъ возражалъ Любецкій повтореніемъ увѣренія, что еслибъ у правительства было болѣе войска, то оно было бы болѣе сильно, а теперь едва можетъ защищаться отъ черни и горячихъ умовъ. Князь Чарторижскій извинялся, оправдывая вызванныя обстоятельствами дѣйствія правительства. Островскій напомнилъ великому князю о томъ замѣчаніи, которое онъ сдѣлалъ во время сейма: «что для народовъ опасенъ примѣръ, если ихъ правительства пріучаютъ пренебрегать данную присягу»; что нарушенія конституціи причиною революціи, цѣль же ея—соединеніе всѣхъ поляковъ подъ однимъ скипетромъ, а слѣдовательно, и губерній польскихъ съ Царствомъ, что̀ не теперь еще обѣщано.

На эти слова княгиня Ловичъ быстро поднялась съ диванчика и, подойдя къ князю Любецкому, патетически, торжественнымъ голосомъ стала его упрекать, что онъ, который до сихъ поръ имѣлъ довѣріе у царя, который былъ его ministre favorit, теперь его обманываетъ и оставляетъ; что исполненіе обязанностей должно быть единственною цѣлію дѣятельности, кто отъ этого удаляется—впутывается въ милліонъ невѣрныхъ цифръ; что его обязанностью было сохраненіе административнаго совѣта такимъ, какимъ его установилъ царь. Тогда бы князь былъ силенъ; избирая же лицъ популярныхъ—сдѣлалъ власть слабою и революціонною. Любецкій опровергалъ эти упреки тѣмъ, что административный совѣтъ, находясь въ величайшей опасности, принявъ лицъ популярныхъ въ народѣ, могъ бы охранить царскую власть и столицу спасти отъ разрушенія. Княгиня Ловичъ, не довольствуясь этимъ объясненіемъ, изливая свои чувства и говоря, что это дѣлаетъ какъ полька, привязанная къ своей странѣ и народу, стала еще болѣе укорять Любецкаго, что полагается на людей, которые именно ослабляютъ правительственную силу. Сильно растроганная, княгиня словомъ и жестами указывала на Лелевеля, какъ на виновника замѣшательства. На первые столь явные упреки, Лелевель сразу отвѣчалъ улыбкою; когда же нашелъ удобное время говорить,

началъ съ того, что замѣчаетъ, что его подозрѣваютъ въ какихъ-то замыслахъ съ цѣлью нарушенія спокойствія. Перебила его княгиня и говорила, что вовсе не заподозрѣваетъ его, и взявъ за руку Островскаго и Лелевеля, представляла имъ то, чему они подвергаютъ польскую страну. Изображая живыми красками грозную будущность, въ самыхъ ласковыхъ словахъ призывала ихъ усмирить все это замѣшательство, такъ какъ она убѣждена, что это въ ихъ власти. Князь Любецкій, поддерживая мнѣніе княгини, доказывалъ, что Островскій и Лелевель имѣютъ вліяніе на народъ; призваніе ихъ въ административный совѣтъ и ихъ поведеніе были единственнымъ средствомъ, обезпечивающимъ дѣятельность административнаго совѣта; но остановить революцію ни они, ни кто другой уже не въ состояніи.

Лелевель, обращая свою рѣчь къ великому князю, говорилъ, что несомнѣнно его императорское высочество умѣетъ отличить тѣ первыя ночныя происшествія, о которыхъ онъ такъ скорбитъ, отъ позднѣйшихъ, которыя являются народнымъ движеніемъ. Теперь затрогивается болѣе важный вопросъ, поднимающій великій и неугасающій огонь,— это требованіе законовъ и конституціи для поляковъ въ польскихъ губерніяхъ и соединеніе ихъ съ Царствомъ. Первый взрывъ былъ только побужденіемъ къ этому, а теперь выражается всеобщая народная воля. На это великій князь отвѣчалъ, что домогаться силою невозможно. Островскій повторялъ, что напрасно просили, представляли и даже горячо протестовали о нарушеніи конституціи и о ея распространеніи на остальную Польшу. Тому доказательствомъ служатъ всѣ сеймы и столь многочисленныя и безполезныя петиціи. Для уничтоженія насилія! только насиліе могло быть полезнымъ; подобные случаи произошли не только въ Польшѣ, но и во Франціи и Бельгіи. Не было это по мысли великому князю и его упрекъ Лелевель смягчилъ, сказавъ, что вѣдь и Польша насильственно была разорвана тремя державами. Далѣе онъ говорилъ, что императоръ Николай имѣетъ въ своемъ государствѣ много народовъ, но только двѣ націи, для которыхъ одинаково долженъ быть отцомъ. Возможно-ли, чтобъ польская нація, изъ-за какой нибудь политики, была столько времени угнетаема? Что же касается до дѣйствій его и административнаго совѣта, то Лелевель полагалъ, что его не слѣдуетъ порицать, такъ какъ все, что, въ эти дни замѣшательствъ и разстройства, выходило изъ предѣловъ законности, тó, ему кажется, всякій членъ совѣта старался навести на законный путь, давая соизволеніе царскимъ именемъ. Изъ такой дѣятельности совѣта и онъ не выдѣлялся, видя въ этомъ единственное средство сохранить связь между дѣйствіями націи и царемъ, и такимъ образомъ ясно, что совѣтъ старается спасти и страну и царя.

Великій князь, хвалясь тѣмъ, сколько онъ встрѣтилъ вѣрности и преданности въ войскѣ, вынулъ изъ кармана свой суточный приказъ, въ которомъ обѣщаетъ амнистію всѣмъ тѣмъ, которые бы сознались въ своихъ заблужденіяхъ. При этомъ обращалъ вниманіе на то, что съ своей стороны дѣлаетъ большое снисхожденіе, если всѣ эти насильственныя дѣйствія называетъ заблужденіями. На это Островскій сказалъ, что такою амнистіею никто не захочетъ воспользоваться, такъ какъ никто не сознается въ винѣ. Тогда великій князь спрашивалъ, что̀ могло бы всего скорѣе успокоить все волненіе? Островскій на это отвѣчалъ, что удаленіе россійскихъ войскъ изъ Варшавы и ихъ уходъ въ Россію могъ бы успокоить взволнованные умы. Тогда княгиня Ловичъ и великій князь проговорились, что это можетъ статься безъ труда, но явился затѣмъ вопросъ: «что̀ же тогда долженъ сдѣлать великій князь съ собою?» Любецкій полагалъ, что лучше всего сдѣлаетъ, если вернется въ Варшаву. Началась по этому поводу истая баллотировка. Любецкій подалъ голосъ за оставленіе; Чарторижскій хотѣлъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, но великій князь перебилъ, требуя отвѣта—да или нѣтъ. Чарторижскій вотировалъ—остаться. Островскій полагалъ, что слѣдуетъ удалиться, Лелевель также. «И ты противъ него?»—сказала княгиня Лелевелю. На это онъ отвѣчалъ: «вѣроятно, княгиня помнитъ, какъ сама недавно говорила; что великій князь не можетъ оставить своего русскаго войска—какъ-же остался бы онъ одинъ? Близость къ столицѣ русскаго войска удерживаетъ опасеніе и безпокойство, да кромѣ того русское войско, признаваемое народомъ за иноземное и даже враждебное, можетъ ожидать нападенія и атаки».

Великій князь увѣрялъ, что никакихъ враждебныхъ дѣйствій не производилъ и не будетъ производить, поэтому охотно приступилъ къ конвенціи, которая съ нимъ была заключена и писана для напечатанія. Островскій присѣлъ у столика и редактировалъ на бумагѣ то, на что̀ согласились. Великій князь поручился, что не будетъ осаждать Варшавы, а еслибъ получилъ повелѣніе, то 48-ю часами раньше предупредитъ. Требовалъ подобнаго же ручательства съ польской стороны, но Островскій отвѣтилъ, что удержать вооруженный народъ никто не въ силахъ; можно удержать въ подчиненіи регулярное войско, а не взволнованную массу; а такъ какъ это условіе не возможно, то совѣтовалъ великому князю, для собственной безопасности, удалиться изъ окрестностей Варшавы. На это княгиня Ловичъ съ ироніей отвѣтила: «о! спасибо за эту заботливость». Обѣщалъ великій князь, что не дастъ никакихъ приказовъ Литовской арміи для враждебныхъ дѣйствій. Выразилъ желаніе, чтобы его генералы были выпущены изъ плѣна; депутація

обѣщала объ этомъ хлопотать. Съ своей стороны, великій князь обѣщалъ амнистію всѣмъ сознающимся въ своихъ заблужденіяхъ. Депутація единогласно выражала, что эта амнистія не имѣетъ никакого значенія. Великій князь повторялъ, что не можетъ быть большаго съ его стороны снисхожденія, если преступленія (crimes) называетъ заблужденіями. Лелевель поддерживалъ замѣчаніе, такъ какъ трудно, чтобы столь различныя заблужденія, которыя были преступленіями, были объявляемы другими. Великій князь нѣсколько разъ повторилъ, что его это радуетъ, что самъ Лелевель признаетъ, что были преступленія и злодѣянія. Лелевель повторилъ это свое мнѣніе, что дѣйствительно были грабежи и убійства, но кто же придетъ объявлять о такихъ заблужденіяхъ? Такимъ образомъ нужна не амнистія, а всеобщее забвеніе (oubli total). Послѣ долгихъ споровъ, когда едва не дошло до прекращенія переговоровъ, великій князь, наконецъ, согласился быть посредникомъ въ испрошеніи у царской милости (clémence du roi) оставленія всего въ забвеніи.

Казалось, было невозможнымъ провести послѣдній пунктъ, касающійся польскихъ губерній. Великій князь настаивалъ сильно на томъ, что не можетъ ни хлопотать объ этомъ, ни быть посредникомъ передъ царемъ. Островскій замѣтилъ, что это соединеніе не можетъ представлять при исполненіи затрудненій; при этомъ онъ ссылался на свой разговоръ съ великимъ княземъ во время сейма, отъ котораго онъ слыхалъ, что возвращеніе Польшѣ Литвы и Волыни было окончательно обѣщано императоромъ Александромъ и это пріостановлено единственно вслѣдствіе безчинства нѣсколькихъ депутатовъ; что же могло быть сдѣлано нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то и теперь легко удастся исполнить. Великій князь, однако, не хотѣлъ и слушать объ этомъ; сталъ, заложивъ руки, у окна, и наступило долгое молчаніе.—Тогда Лелевель велъ разговоръ съ княгинею Ловичъ и перемежалъ его молчаніемъ. Княгиня повторяла: «терпѣнія, онъ на все согласится». Лелевель, видя, что молчаніе повторялось все чаще и чаще, не желая, чтобы весь трудъ не окончился ничѣмъ, предложилъ свое мнѣніе, что, такъ какъ въ разговорѣ съ великимъ княземъ вопросъ о польскихъ губерніяхъ былъ предметомъ переговоровъ, то, вѣроятно, великій князь этого не станетъ отрицать. «Конечно нѣтъ», отвѣтилъ князь. Затѣмъ Лелевель прибавилъ, что, вѣроятно, имъ будетъ позволено упомянуть объ этомъ печатно. На это великій князь согласился и даже обѣщалъ принять и представить царю имѣющее быть ему поданнымъ представленіе. И это было записано.

Лелевель въ этомъ разговорѣ подвергался особымъ укорамъ, по причинѣ предубѣжденія, съ какимъ къ нему относились великій князь

и княгиня Ловичъ. Какъ въ началѣ княгиня указывала на Лелевеля, какъ на главнаго виновника замѣшательства, такъ теперь великій князь, когда вспомнилъ о своемъ Брюлевскомъ дворцѣ и спросилъ, что̀ съ нимъ случилось, то сейчасъ же обратился съ вопросомъ къ Лелевелю, такъ какъ это ему должно быть лучше всего извѣстно. На его отвѣтъ, что не знаетъ, Любецкій разсказалъ о его судьбѣ и цѣлости. Спрашивалъ великій князь—тотъ ли это Лелевель, что былъ профессоромъ въ Вильнѣ?—Лелевель сказалъ, что тотъ же.—А здѣсь, въ Варшавѣ, студенты произвели безпорядки, такъ Лелевель виноватъ! Онъ же отвѣтилъ, что прежняя его дѣятельность отдѣлена отъ Варшавскаго университета и мѣстомъ и временемъ, и трудно соединить эти два событія; что онъ, замкнутый въ своей домашней жизни, почти не знаетъ варшавскихъ студентовъ; если же на столько счастливъ, что его имя гдѣ нибудь упоминается, то тому причиною болѣе судьба, чѣмъ его заслуги.—Распрашивалъ великій князь, гдѣ онъ провелъ ту первую ночь возмущенія.

— У одра больнаго и умирающаго отца, который въ ту именно ночь скончался на моихъ рукахъ,—отвѣтилъ Лелевель.

Это произвело нѣкоторое впечатлѣніе на великаго князя и онъ перестал настаивать на этомъ, хотя подъ конецъ разговора еще разъ обратился къ Лелевелю съ словами:

— Въ Варшавѣ, кажется, образовался и клубъ?

— Да,—отвѣтилъ Лелевель,—и меня избралъ предсѣдателемъ.

При прощаніи ясно было, что княгиня Ловичъ оставила предубѣжденіе и нерасположенность, съ какою была къ Лелевелю въ началѣ, когда съ отвращеніемъ глядѣла на него.—Прощаясь холодно съ Островскимъ, съ выраженіемъ благорасположенія подала Лелевелю руку и пожала. Это произошло вслѣдствіе разговора съ нимъ, къ которому склонилъ ее Любецкій.

Разговоръ этотъ былъ веденъ на польскомъ языкѣ, подъ конецъ долгихъ переговоровъ и списыванія договора. Здѣсь Лелевель доказывалъ, что напрасны подозрѣнія, будто онъ враждебно настроенъ къ Россіи и самъ побудилъ къ безпорядкамъ; что онъ даже гордится своими литературными сношеніями съ русскими учеными и имѣетъ удовольствіе знать нѣкоторыхъ русскихъ. Разсматривая, среди своихъ мирныхъ занятій, отношенія польскаго и русскаго народа, онъ въ начавшемся возстаніи видитъ не возстаніе противъ царя или русскаго народа, который, если желаетъ, можетъ называться братнимъ народомъ польскаго, а только противъ русской политики, которая съ столь давнихъ временъ притѣсняетъ польскій народъ. Излагалъ ей

на сколько административный совѣтъ прилагалъ усилій, чтобы интересы народа удержать въ связи съ царемъ, надѣясь, что царь вникнетъ въ нужды и страданія (!) народа. Только быстрое удовлетвореніе ожиданій и требованій народа можетъ расположить умы, а такъ это движеніе можетъ охватить весь народъ, одинаково чувствующій; эти чувства, вѣроятно, княгиня, какъ полька, съумѣетъ оцѣнить. Говорилъ, что уже нарушены предѣлы терпѣнію. Императоръ Александръ или только ласкалъ или искренно обѣщалъ соединить польскія губерніи съ Царствомъ, но всетаки удерживалъ народъ въ надеждѣ и ожиданіи. Теперь же императоръ Николай, послѣ коронаціи, въ письмѣ, правда, частномъ, но публично обнародованномъ, отнялъ эти надежды. Княгиня увѣряла, что когда великій князь будетъ говорить съ императоромъ о губерніяхъ, то начнетъ съ напоминанія о томъ—какую непріятную сенсацію произвелъ этимъ въ польскомъ народѣ. Лелевель далѣе представлялъ, что, долго живя въ польскихъ губерніяхъ, ежегодно путешествуя въ Волынь, онъ видитъ ухудшеніе состоянія жителей; что особенно оно ухудшилось въ царствованіе императора Николая: нетерпимость народная, религіозная, ослабленіе въ администраціи матеріальныхъ и нравственныхъ силъ—угнетаетъ тѣ провинціи. Можетъ ли Польша, смотря на это угнетеніе земляковъ, оставаться нечувствительною? Ссылался при этомъ на чувства самой княгини. Она не отрицала этого и убѣждала, что судьба польскихъ губерній близка сердцу ея мужа и что онъ не разъ желалъ присоединить ихъ къ Царству. Лелевель говорилъ, что объ этомъ благорасположеніи великаго князя онъ отлично знаетъ отъ генерала Красинскаго и другихъ лицъ. Страннымъ, однако, стеченіемъ обстоятельствъ, великій князь высказывалъ эти свои желанія тогда, когда политика петербургскаго двора была этому противна и не желала; когда же желали соединить польскія губерніи съ Царствомъ Польскимъ, то этого великій князь не желалъ, сильно противился и препятствовалъ. Но какъ это было—мало кому извѣстно, и народъ, выведенный изъ терпѣнія, съ оружіемъ въ рукахъ начинаетъ домогаться о своемъ существованіи. Княгиня упомянула о препятствіяхъ. Лелевель соглашался, что есть большія затрудненія, но есть еще и бòльшія, которыхъ не умѣетъ оцѣнить, но онъ думаетъ, что императоръ могъ бы найти средства, которыя вывели бы изъ этого труднаго положенія. Пусть позволитъ, чтобы уполномоченные русскаго народа переговорили объ этомъ съ польскими уполномоченными, и навѣрно всѣ затрудненія удалитъ отъ себя и сдѣлается посредникомъ двухъ народовъ. Княгиня обѣщала, что эти замѣчанія передастъ своему мужу, и увѣряла, что великій князь

будетъ посредникомъ польскаго народа передъ братомъ — просила только терпѣнія.

Этимъ заканчивался (нашъ) отдѣльный разговоръ, и около восьми часовъ началось прощаніе и возвращеніе изъ Вержбны въ Варшаву, задерживаемое поляками, находящимися при великомъ князѣ, просящими, подходя къ каретѣ, чтобы имъ были присланы приказы перейти подъ команду Хлопицкаго.

Примѣчаніе. Какъ видно изъ настоящаго разсказа, никто изъ постороннихъ не участвовалъ въ переговорахъ; настоящій разсказъ составленъ однимъ изъ участниковъ. По составленіи разсказъ этотъ былъ прочитанъ авторомъ товарищамъ по делегаціи и ими исправленъ, слова же Лелевеля и Островскаго написаны ими самими. Это свиданіе происходило въ Вержбнѣ (а не въ Вержбѣ) близъ Варшавы, принадлежащемъ къ одному изъ Варшавскихъ приходовъ (св. Александра). Переговоры велись, судя по польскимъ источникамъ, 20-го ноября ст. ст. (2-го декабря н. ст.)—послѣ полудня. С. П.